УДК 316.48 DOI: 10.22394/2079-1690-2017-1-2-164-169

РЕГИОНАЛЬНЫЙ СОЦИУМ: ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА*

Данелюс Денис Владимирович аспирант Института социологии и регионоведения; Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская 160). E-mail: danelyus@mail.ru

Шаповалова Анна Михайловна кандидат социологических наук, доцент Института социологии и регионоведения; Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская 160). E-mail: amshapovalova@sfedu.ru

Аннотация

В представленной статье исследуется субъектность в институциональной системе социальной безопасности в контексте мониторинга ситуации в Южно-Российском регионе.

Авторы статьи на основе обширного социологического материала делают вывод о том, что региональный социум ориентируется на проблемное поле социальной безопасности в рамках государствоцентричной матрицы и, вместе с тем, активность таких групп как казачество, молодежь свидетельствует о перспективах роста социальной субъектности на этом важном направлении жизнедеятельности регионального социума в рамках «осовременивания» этатистской традиции.

Ключевые слова: *социальная безопасность, социальная субъектность, Южно-Российский регион, российское общество, социально-территориальные диспропорции, государствоцентричная матрица.*

Отмечая, что социальная безопасность связана с социально-структурными, социально-территориальными отношениями, позициями и диспропорциями, имеется в виду, что для понимания социальной субъектности в сфере социальной безопасности в российском обществе следует обратить внимание на региональный контекст.

Действительно, социально-территориальные диспропорции значимым образом влияют на систему социальной безопасности, поскольку такие факторы как неравенство в доходах, качестве жизни, миграционные проблемы, также как и непосредственное или опосредованное влияние внешних угроз оказывают воздействие на формирование образа социальной безопасности и то, каким образом должны решаться эти проблемы в региональном контексте. Российские регионы, а Россия действительно является страной регионов, испытывают двойственный эффект, с одной стороны, речь идет о влиянии фактора поддержания единства, с другой - существование внутрирегиональных и межрегиональных диспропорций, которые определяются схемой «депрессивные регионы», «самодостаточные регионы», «регионы – доноры».

Между тем, в исследовании социальной безопасности преимущественно выделяется территориальный аспект, связанный с развитием социальной, транспортной инфраструктуры, но при этом не уделяется внимания настроениям регионального социума, тем тенденциям, которые могут позитивно или негативно влиять на состояние социальной безопасности.

Обращая внимание на тот факт, что рост социальной субъектности в сфере социальной безопасности сосредоточен в мегаполисах, а Россия регионов демонстрирует либо неопатерналистский комплекс, либо дистанцирование от проблем социальной безопасности, тем не менее, можно говорить о том, что в региональном контексте наметились определенные сдвиги, связанные с ростом социальной субъектности, если принимать формулу «взаимодействие регион – центр», формирование сферы оптимальной компетентности между регионом и центром в сфере

* Статья выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-33-01131 «Социальные и гуманитарные технологии профилактики и противодействия агрессии, экстремизму и терроризму на Юге России в контексте геополитической конкуренции в Черноморско-Каспийском регионе».

социальной безопасности, необходимым является выяснить каков потенциал социальной субъектности в российских регионах.

Предметом исследования является Южно-Российский регион, который имеет параметры, адекватные состоянию социальной безопасности в российском обществе. Учитывая пограничье, полиэтнический состав, экономические и социальные проблемы, можно сказать, что Южно-Российский регион диагностичен в оценке состояния социальной безопасности в российском обществе. Исследования, проведенные коллективом ростовских ученых, свидетельствую о том, что существуют как совпадения по общероссийским (модальным) характеристикам, так и действуют определенные региональные различия, которые являются следствием конкретной социальной и экономической ситуации, схем восприятия жителей региона, динамики их настроений [1].

В региональном аспекте важно выявить картину целостной безопасности региона, определить факторы, которые являются барьерными на пути формирования социальной субъектности в сфере социальной безопасности региона и конструктивные, действующие на перспективу для обеспечения устойчивого социального развития региона и страны в целом.

Отмечая тот факт, что для жителей Южно-Российского региона свойственно, в основном, понимание ситуации как напряженной и кризисной, мы находим совпадения с общероссийскими показателями (53,5%). Вместе с тем, источники социальной напряженности являются в некоторой степени дифференцированными. В Южно-Российском регионе речь идет о таких угрозах как межэтническая конфликтность, сужение рынка труда, ухудшение доходов населения. При этом респонденты ощущают необходимость внимательного отношения центра к проблемам регионального развития. Также, отмечая, что жители региона придерживаются диспропорций (25,5%) произошли некоторые перемены к лучшему, а (30,6%) – некоторые перемены к худшему, в то же время следует отметить, что прибавление позиций (24,2%) произошли значительные перемены к худшему, в сознании жителей региона преобладает тревожность, связанная как ожиданием усилий государственных и региональных структур по повышению уровня национальной безопасности, так и совершенствования политики в сфере социальной безопасности [2].

Оценивая перспективы России, как страны, которую ждут трудные времена (42%) [3], следует отметить, что этот показатель близок к общероссийскому и в то же время для жителей региона свойственно несколько повышенная тревожность, связанная с возможностью актуализации замороженных этнических конфликтов, а социальная конфликтность проявляется на латентном уровне и связана с ожиданием потери работы, задержек зарплаты и падения реальных доходов населения. В региональном социуме пока не прослеживаются группы, которые могут претендовать на роль референтных в сфере социальной безопасности. К такому выводу можно прийти, основываясь на том, что в отличие от столичных городов, высокопрофессиональные группы населения не отмобилизованы, заняты, в основном, либо в государственной сфере, либо в сфере экономической самостоятельности, но при этом не наблюдается взаимодействие с ними по отношению к сфере социальной безопасности.

Хотя 41,4% респондентов сохраняет спокойствие и уравновешенность в оценке ситуации своего окружения, для них свойственно говорить о тревожности на социальном макроуровне. Хотя напряжение, как отмечает 43% [2] респондентов, немного нарастает, в то же время есть опасения по поводу того, что отложенность проблем социальной безопасности может привести к определенным конфликтным ситуациям, которые потребуют не только привлечение ресурсов государства, но и существенно повлияют на социальную стабильность в регионе. Южно-Российский регион характерен тем, что, несмотря на низкий потенциал социально-протесных настроений, можно говорить о достаточно высоком уровне институционального недоверия. При том, что 51,3% [2] респондентов считают , что основные угрозы России исходят из за рубежа и уделяют в большей степени, таким образом, внимание проблемам национальной, а не социальной безопасности, следует обратить внимание на то, что при высокой степени доверия президенту России и правительству российской федерации (75,9% и 48,7% соответственно) есть определенный лаг, связанный с тем, что доверие губернатору региона составляет 40,8%, органам местного самоуправления – 24,5%, общественным и правозащитным организациям – 26,2%. Существует значительный лаг в том, чтобы можно было говорить о расширении сферы компетентности региональных структур за состояние социальной безопасности.

Можно предположить, что такое скептическое и настороженное отношение связано с тем, что региональные, прежде всего (социальные и социально-экономические) проблемы приобре-

тают затяжной, а часто и болезненный характер. Особенно это касается сферы занятости, трудоустройства, качества жизни. При этом можно говорить, что Южно-Российский регион не попадает в число регионов с высоким экономическим ростом, а усилия по вложению социальных инвестиций таких перспективных отраслей как транспорт, сельское хозяйство, туризм пока не дают ощутимой отдачи.

Исходя из этого можно говорить о том, что региональные власти пользуются умеренным доверием, доверием, достаточным для того, чтобы поддерживать относительную социальную стабильность и в то же время недостаточным для того, чтобы говорить о формировании площадок для расширения сферы социальной безопасности [4].

Региональный социум и региональные элиты, вероятно, расходятся в понимании приоритетов социальной безопасности, когда речь идет не только о социальной стабильности как таковой, но и об образах социальной стабильности в сознании жителей региона. Учитывая тот факт, что работа центра направлена на то, чтобы держать в рамках региональные элиты, не допускать раскола между ними, следует отметит, что для региональных элит свойственны собственные интересы в сфере социальной безопасности. С одной стороны, обеспечить доверие федерального центра, с другой – осуществлять контроль над процессами, происходящими в региональном пространстве. В этом смысле региональные структуры не опираются на общественные организации и основная нагрузка в реакции на возникающие новые угрозы ложится на действующие в Южно-Российском регионе федеральные структуры.

Учитывая высокий авторитет президента РФ, можно говорить и о двойственности персонализации власти, поскольку это, хотя и компенсирует дефицит институционального доверия, в то же время снижает заинтересованность в совершенствовании институциональной системы и расширение субъектов социальной безопасности. Иными словами, в Южно-Российском региональном социуме воспроизводится неоэтакратическая модель социальной безопасности, хотя и имеются определенные социальные инициативы, связанные как с предупреждением межэтнических конфликтов, задействованием конструктивного потенциала молодежи, привлечением к разработке модернизационных проектов местных бизнес-структур [5].

Однако, в целом, состояние институциональной системы является закрытым для обеспечения равного доступа к ресурсам социальной безопасности. Учитывая тот факт, что в региональном социуме происходят определенные сдвиги, связанные с ухудшением социальной ситуации, снижением позитивной оценки социального самочувствия, можно говорить о том, что отношение представителей регионального социума к проблемам социальной безопасности характеризуется тревожными ожиданиями, но не связано с перспективами занятия активной позиции. Основной причиной можно считать иерархию в сфере социальной безопасности, в которой региональный социум, в основном, представляется как субъект социальной лояльности и, в меньшей степени, социального действия.

Отмечая это обстоятельство можно также говорить о том, что неразвитость каналов социальной коммуникации, в частности низкое доверие к прессе (13,9%) [2] приводит к тому, что информированность населения о состоянии социальной безопасности формируется в основном на чувственно-эмоциональном уровне, включает схемы восприятия, поддерживается мнением знакомых и родственников. Между тем, важным моментом является осуществление предварительной целенаправленной работы по формированию условий, стимулирующих социальную субъектность в сфере социальной безопасности Южно-Российского региона.

Учитывая влияние таких сдерживающих факторов на рост социальной субъектности в регионе также следует отметить, что социально-экономическое положение является наиболее ограничивающим фактором, так как о том, что материально обеспечены, хорошо заявляет 28,5% респондентов, в то время как 57,6% опрошенных считают свою ситуацию удовлетворительной.

Такая самооценка ведет к тому, что проблемы социальной безопасности сужаются до личного уровня, также и ситуация, связанная с тем, что активность воплощается в возможность общения с друзьями и не касается публичного уровня. Половина респондентов оценивает в целом хорошо свое место, регион, в котором они живут (50%) и статус в обществе (52%). Также достаточно высоких показателей достигает уровень личной безопасности (41,8%), но при этом обращает на себя внимание тот факт, что 47,4% [2] считают уровень личной безопасности удовлетворительным.

Иными словами, можно констатировать, что половина жителей региона не удовлетворены деятельностью правоохранительных структур. Однако при этом следует отметить, что

на региональном уровне так и не реализован комплекс мероприятий, связанный с возрождением казачьих дружин, как и тот факт, что в результате оптимизации правоохранительных структур остро ощущается дефицит работников правоохранительных структур низового уровня, тех, кто непосредственно работает с населением и формирует представление о возможностях личной безопасности [6].

Как показывают результаты исследования, 53,2% [2] респондентов выражают сдержанный оптимизм по поводу того, что жизнь их складывается, однако, неудовлетворенность отдельными аспектами жизни означает, что хотя и происходит привыкание к трудностям, вместе с тем возрастают тревоги по поводу будущего регионального социума, возникновения новых социальных рисков, которые при нынешнем состоянии социальной безопасности могут быть не локализованы. Речь идет не только о сфере межэтнических отношений, но и об угрозах массовой безработицы, преступности среди молодежи, социального и религиозного экстремизма.

Учитывая, что в российском обществе социальная безопасность понимается и в инструментальном значении, как предоставление условий поддержания социального порядка и стабильности, представители регионального социума делают упор на ответственность властных структур за предупреждение негативных тенденций. Их позиция состоит в том, что электоральные механизмы, обеспечивающие политическую стабильность действуют, в то же время запущенными являются социальные механизмы, в которых проявляется отставание от запросов регионального социума.

В частности, речь идет о том, в какой степени экономический кризис повлиял на положение людей, 49,4% опрошенных считает себя проигравшими. Угроза потери работы составляет минимальный уровень, но тем не менее 32,4% говорят о снижении доходов. Отрадно, что эта ситуация не напоминает 90-е годы, с их катастрофическими задержками зарплат, но в то же время проигрыш заключается в том, что от кризиса практически никто не выиграл и в связи с этим ощущается определенная напряженность и ожидание преодоления трудных времен с меньшими издержками. Это связано с включением эффективного механизма государства, в то время как население понимает свои приоритеты в сознательном ограничении, экономии средств и невозможности расшатать социальную ситуацию.

На этот фактор влияет и то, что для большинства респондентов санкции Запада, хотя и являются болезненными, но так как направлены на создание трудностей для россиян, имеют двойственный смысл. С одной стороны – 46,2% заявляют, что они могут иметь даже стимулирующее влияние, связанное с развитием отечественного производства, с другой – 41,2% [2] надеются на включение ресурса терпения ради поддержания атмосферы стабильности и патриотизма. Однако, рассчитывать на ресурс терпения, как российскую ментальную традицию, в нынешних условиях не приходится, поскольку выросли новые поколения, которые основываются на достиженческих целях, моделях потребительского поведения и для них достаточно проблемно перейти к ситуации резкого самоограничения.

Также следует подчеркнуть, что в рамках осуществляемого исследования выясняется, что хотя 44,9% жителей региона не испытали последствий антироссийских санкций, в то же время то, что считается незначительными последствиями для 40,5% может при отложенности проблем социальной безопасности стать значимым.

Отмечая, что большинство респондентов являются представителями среднего класса и только 35,7% [7] заявляют о себе как имеющих статус низкообеспеченной группы, необходимо обратить внимание, что в данном случае статус среднего класса представляется достаточно размытым, зависящим от личных самооценок и стремления жить по формуле «не хуже других». Россияне, в основном, скрывают свое бедственное положение, а для жителей региона, где неформальные, дружеские, соседские отношения имеют особое значение, это является негативным, ограничивающим коммуникацию и уважение признаком. Поэтому можно говорить о некоторой завышенности социального статуса, что объясняет неудовлетворенность жизненной ситуацией. То есть когда респонденты говорят о собственной самооценке, для них значимым является сохранение уважения к себе и уважение других, когда же речь заходит о влиянии социально-экономической ситуации, то признается существование трудностей. Если социальная самооценка относится к личностному ресурсу, то социальная ситуация представляется не зависящей от настроения и воли респондентов, относящейся к сфере компетентности региональных властей и федерального центра.

В такой конфигурации проблемное поле социальной безопасности выявляет две тенденции, с одной стороны, материальная (рост цен на товары и услуги) (52,5%), с другой – субъективная, связанная с низкой гражданской и правовой культурой людей, неумением бороться за свои права (31%). Очевидно, что для респондентов именно эти проблемы и являются основными причинами ухудшений в сфере социальной безопасности.

Нельзя не обратить внимание на достаточно высокий показатель (37,3%) [2] тех, кто считает одной из причин коррупцию и засилье бюрократии. В данной формуле интерпретируется в целом негативная оценка деятельности региональных и локальных структур, которые, по мнению респондентов должны быть озабочены непосредственными проблемами регионального социума, но действуют иногда неумело, медленно и непрофессионально. При этом следует отметить, что на жителей региона оказывает влияние и сохранение напряженной ситуации на Украине и вокруг нее.

24,7% [2] респондентов полагают, что ситуация в соседних регионах Украины может вызвать не столько угрозу вооруженного насилия, сколько рост нерегулируемых миграционных потоков, преступности повышения тревог о судьбе своих родных и близких.

При этом, в целом, поддерживается ситуация, что на социальном микроуровне 58,2% респондентов обращают внимание на необходимость собственных усилий, в то время как 24,1% находятся в состоянии ожидания. К сожалению, активность, которая проявляется как отстаивание собственных прав у 6,3% опрошенных, носит демонстративно-деструктивный характер. Респонденты не показывают намерений видеть в участии в системе социальной безопасности, в социальных акциях, направленных на нейтрализацию социальных рисков, самостоятельное направление своей деятельности. В позициях респондентов присутствует либо правовой, легальный способ разрешения этих проблем, либо социальный, массовый, связанный с протестной деятельностью.

Результаты социологического исследования показывают, что для жителей региона (23,6%) [2] важным является участие в общественных организациях, при этом обращает на себя внимание тот факт, что в отличие от общероссийского показателя, достаточно скептическое отношение, что почти половина поддерживает идею справедливого и разумно настроенного общества, но это представляется для них идеалом, делом не ближайшего будущего. Характерно, что это совпадает с тем, что при инструментальном активизме речь идет о следовании идеалам, принципам, ценностям. Это создает ограничивающий эффект для включения механизмов социальной субъектности в сфере социальной безопасности, поскольку эта сфера не замечается по отношению к личным стратегиям, повседневных практик и идеалам, которые относятся к высокой сфере, не затрагивающей действия людей и оценку власти.

Литература

1. *Баженова Е.Ю., Сериков А.В., Черноус В.В.* Эволюция государственной региональной политики России в аспекте обеспечения ее национальной безопасности: этапы, содержание, результаты // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 22. № 6. С. 149-159.
2. *Баженова Е.Ю., Волков Ю.Г., Лубский А.В., Сериков А.В., Посухова О.Ю., Васьков М.А., Верещагина А.В.* Российская повседневность в условиях кризиса: вызовы национальной безопасности. – Ростов н/Д.: Изд-во «Фонд науки и образования», 2016.
3. *Посухова О.Ю., Сериков А.В.* Жизненные ориентиры жителей Южного федерального округа в контексте современных реалий // Вестник Института социологии. 2016. № 1 (16). С. 56-73.
4. *Бедрик А.В., Сериков А.В.* Крупный южнороссийский город как среда межэтнического взаимодействия (на примере г. Ростова-на-Дону) // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 11. С. 123-131.
5. *Волков Ю.Г., Баженова Е.Ю., Барков Ф.А., Сериков А.В.* Социальное самочувствие и протестный потенциал жителей Ростовской области в условиях кризиса // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 18. № 2. С. 28-44.
6. *Сериков А.В.* Состояние и проблемы развития донского казачества // Гуманитарий Юга России. 2014. № 4. С. 164-171.
7. *Сериков А.В.* Факторы социальной напряженности в Ростовской области (анализ результатов социологического исследования) // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 7. С. 34-39.

Danelyus Denis Vladimirovich, Postgraduate student, Institute of Sociology and Regional Studies; Southern Federal University (160, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: danelyus@mail.ru

Shapovalova Anna Michailovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate professor, Institute of Sociology and Regional Studies; Southern Federal University (160, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: amshapovalova@sfedu.ru

REGIONAL SOCIETY: POTENTIAL OF SOCIAL SUBJECTIVITY IN SYSTEM OF SOCIAL SAFETY OF THE RUSSIAN SOCIETY

Abstract

The article considers the process of Subjectivity in the institutional system of social security in the context of monitoring the situation in the South of Russia. The author makes a conclusion, regional society focuses on the problem in sphere of social security, however, the activity of groups such as the Cossacks, youth indicates the growth prospects of social subjectivity in this important area of activity of the regional society within the framework of "modernizing" the etatism (statist) tradition. The article was supported by the Russian Humanitarian Scientific Foundation № 16-33-01131 «Social and Humanitarian Technologies for the Prevention and Counteraction of Aggression, Extremism and Terrorism in the South of Russia in the Context of Geopolitical Competition in the Black sea and Caspian region»

Keywords: *social security, social subjectivity, the South of Russia, Russian society, Social and territorial imbalances, the State-Centric mould.*

УДК 316.334.3 DOI: 10.22394/2079-1690-2017-1-2-169-174

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК АУТОПОЙЕТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА

Забнева Эльвира Ивановна кандидат социологических наук, доцент кафедры «Экономики и управления»; филиал Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева в г. Новокузнецке (654000, Россия, г.Новокузнецк, ул. Орджоникидзе, 7). E-mail: zabnevailvira@mail.ru

Аннотация

В статье представлен анализ местного самоуправления как аутопойетической системы с двоякой социально-исторической природой политических и социальных отношений (государства и гражданского общества), специфика которой раскрывается через историческое состояние системы, из которого она должна исходить в своих операциях, степень самоорганизации, специфику социальных функций, характер социального взаимодействия, а также способность к саморазвитию.

Ключевые слова: *социальный институт, местное самоуправление, аутопойетическая система, политические и социальные отношения, органы самоуправления.*

Развитие современных социальных институтов не только осмысливается наукой, но и во многом ею корректируется. Эволюция представлений об основных типах научных картин мира и способов его познания привела к пониманию мира как «бесконечной совокупности тропов, выделяемых сознанием человека по отдельным признакам, объединяемым в определенные внешне независимые совокупности, возникающие и функционирующие как относительно самостоятельные подсистемы» [5, с. 7]. Системный подход как метод познания стал ориентировать исследователей «на раскрытие целостности изучаемой системы и обеспечивающих её механизмов, на выявление многообразных связей и отношений между взаимодействующими элементами системы» [6, с. 55].

Особое место в системном анализе общественной жизни отводится институтам социального управления, в частности институту местного самоуправления. Местное самоуправление понимается современной наукой как определенная система и в то же время как один из элементов (внутренне структурированный) в системе территориального управления государства [6].

На стыке системной и диатропической картин мира появились синергетические характеристики системы, акцентирующие внимание, с одной стороны, на целостности и адаптивности систем в среде обитания, а с другой, на способностях системы к её саморазвитию и самоизменению. Это обусловлено глобальными информационными и техногенными изменениями, а также